

Чжэнь Цюн ущипнул свою все еще мягкую руку и вздохнул. Прыгать полчаса гимнастики все-таки утомительно, но ради здоровья об этом не думаешь. В прошлом в даосском храме целый день не ел мяса, и наставник с братьями гоняли его как собаку, но он был стройным, где уж было растолстеть? А сейчас хорошо кормят, расти в росте не особо, а мяса narosло, правда слезам хочется.

Эх, говоря по правде, это он упустил из виду, думал, что в Великой Сун смотрят только на лицо и не обращают внимания на остальное. Не ожидал, что росту действительно не придают значения, но к фигуре требования высокие. Тоже верно, если все тело мягкое, чем отличается от женщины? Надо, чтобы мышцы были равномерными, сухими и ловкими!

Долго вздыхая в душе, Чжэнь Цюн все же собрался с духом. Ведь нужно только убрать живот и добавить немного мышц, тренироваться не так сложно. Хорошо, что это не эпоха Великой Чжао, с таким телосложением, если бы он прыгал десять лет гимнастику, не смог бы добиться телосложения, как у генерала И, которым все восхищаются.

Немного утешив себя, Чжэнь Цюн почувствовал лучше и, опираясь на поясницу, сел на кровати. Аньпин поспешил подойти и спросил:

— Даос устал? Хотите съесть немного чая и сладостей, отдохнуть...

— Не надо! — Чжэнь Цюн чуть не посмотрел злобно. Он так старается, если есть, как раньше, два раза лакомства в промежутках между тремя приемами пищи, не зря ли прыгал?! Теперь точно нельзя есть много сахара, хорошо, что не нужно отказываться от мяса, иначе не знает, сможет ли выдержать.

Аньпин почувствовал, что его задавили, и смущенно отступил. Видимо, стремление даоса к Пути довольно твердо, в эти дни даже питание упростилось, раз в день ест мясо, всякие сладости и напитки даже не трогает, совсем не похоже на прежнее. Но об этом нужно сказать господину, чтобы даос не похудел от голода, а то его накажут.

Чжэнь Цюн погладил пустой живот, стиснул зубы и встал. Теперь он будет каждый день есть вовремя, когда проголодается — набьет фруктами, не пройдет и трех месяцев, и фигура изменится! К тому же он еще молод, может, вырастет еще на пол-чи. Тогда высокий и стройный, красивый и галантный, неужели не будет контракта?

Лишь подумал о том, как господин Хань снова узнает его красоту, Чжэнь Цюн почувствовал, что душа полна сил. Кто бы мог подумать, что прежде чем он успел юркнуть в алхимическую лабораторию, тот человек, которого он избегал несколько дней, вдруг пришел в гости.

Думал, что пока не похудеет, даже не захочет его видеть. Но когда человек оказался перед глазами, Чжэнь Цюн обнаружил, что, кажется, будто, может быть... все-таки немного скучал. Да, точно, он слишком мило улыбается!

Где тому знать извилины в животике маленького даоса, Хань Мяо пришел и сразу тяжело вздохнул:

— Император скончался, ситуация может измениться. Мне нужно отправиться в Восточную столицу, чтобы управлять ситуацией...

Что? Только несколько дней просидел в комнате, как император уже скончался? Чжэнь Цюн был ошарашен. Неудивительно, что в последние дни стало меньше петард, оказалось, из-за этого.

Однако очень скоро в сердце Чжэнь Цюна возникла тревога. Разве Хань Мяо часто ездит в столицу? Зачем специально пришел сообщить ему? Неужели господин Хань хочет надолго жить в столице? Этого нельзя допустить! Так старательно похудел, а человека нет, разве не зря старался?!

Хань Мяо продолжал контролировать выражение лица и медленно сказал:

— ...Тогда, боюсь, придется задержаться в столице на некоторое время...

Он еще не договорил, как Чжэнь Цюн быстро вставил:

— Я могу пойти с вами? А, я слышал, что Восточная столица особенно большая и процветающая, тоже хочу посмотреть...

Ни за что не позволить ему бросить себя! — в душе закричал Чжэнь Цюн, ни за что не желая уступать.

Хань Мяо:

— ...

Он долго обдумывал слова, даже готов был предложить этому маленькому даосу, любящему деньги, ежемесячное жалование в сто связок, боясь, что тот посчитает переезд хлопотным и не захочет ехать далеко. Не думал, что слова еще не вышли, а тот уже с нетерпением попросился. И такой вид, совсем не похожий на того, кто жаждет увидеть процветание Восточной столицы, скорее похож на боязнь, что он сбежит. Даже если его считают просто богачом, это заставило Хань Мяо слегка улыбнуться в сердце.

— Раз брат хочет поехать, конечно, можешь пойти со мной. В Восточной столице у нас тоже есть особняк, тогда построю алхимическую лабораторию, точно не обижу тебя, — Хань Мяо сразу выразил позицию, решив одним ударом.

Увидев, что он согласился, Чжэнь Цюн тут же облегченно выдохнул, хорошо, что он проникательный, не дали бросить себя. Подумав, он снова сказал:

— Примерно когда уходим? Собрать алхимическую лабораторию немного хлопотно, боюсь, нужно несколько дней...

— Не спешу, у меня тоже есть дела, которые нужно уладить, поедем в конце месяца, — подумав, Хань Мяо снова добавил, — Тебе не нужно собирать столько багажа, возьми удобные вещи, остальное купим в столице, когда приедем. Все богатства Поднебесной собраны в Восточной столице, нет того, что нельзя купить.

Эй, этот человек все так же щедр! Хотя уже есть огромная сумма в восемьсот лянов, Чжэнь Цюн всю жизнь не сможет быть таким свободным. Постой, если он даже печь для пилюль не возьмет, купит в Восточной столице, разве не будет второй лаборатории? В душе затрещали счеты, Чжэнь Цюн сильно кивнул, все тело излучало радость.

Видя этот крадущийся радостный вид маленького даоса, Хань Мяо не мог не рассмеяться, это, наверное, снова придумал какой-то дурной трюк? Однако тревога, скопившаяся в сердце в эти дни, незаметно развеялась больше чем наполовину. Кажется, только когда он рядом, сколько бы ни было забот, все не стоит упоминания.

Взять его с собой, действительно правильно.

С договоренностью все пошло по порядку. Девятнадцатого числа первого месяца новый император взошел на трон. Прошло еще несколько дней, большие и маленькие дела были улажены. Хань Мяо снова пошел искать Чжэнь Цюна, обнаружил, что он упаковал только два набора стеклянной посуды, десяток лекарств, одежды почти не взял. Самым тяжелым в багаже, наверное, был ящик с тяжелым серебром, совершенно не желал отпускать.

Нисколько не удивившись, Хань Мяо с улыбкой посадил немного тревожного маленького даоса в повозку. Группа людей помчалась к сердцу Великой Сунь, столице Сына Неба.

На этот раз повозка была явно намного больше, даже ящик с серебром помещался. Устроившись удобно на всем своем имуществе, Чжэнь Цюн все еще был неспокоен:

— Дорога такая тряская, бутылки не разобьются?

В тех двух ящиках с бутылками и банками не только было полно древесной стружки, стеклянная посуда была обернута шелком и коноплей, лекарственные бутылки были упакованы в коробки для укрепления. Если даже при такой осторожности разобьются, караванам не стоит перевозить вещи за тысячи ли. Видя его напряжение, Хань Мяо не выдержал и подшутил:

— Если действительно разобьются, заставлю стекольный завод компенсировать тебе десять наборов.

Чжэнь Цюн, однако, с тревогой вздохнул:

— Стеклянная посуда разобьется так разобьется, просто те лекарства не слишком безопасны. Если бутылка разобьется и появится искра, может загореться. А еще есть несколько бутылок, если смешать, есть шанс взрыва...

Хань Мяо:

— ...

Просто поехать в Восточную столицу, обязательно ли везти такие опасные вещи? Похоже, раньше разрешать ему брать только один ящик в повозку было правильно, по крайней мере, ящик с серебром не взорвется просто так.

Пошевелил уголком рта, Хань Мяо вздохнул:

— Когда доберемся до постоянного двора, хорошо проверим.

Чжэнь Цюн согласился и кивнул. В эту поездку он не брал с собой опасных предметов, которые взрываются от случайного удара, но по дороге все еще чувствовалось неудобство. Состояние дороги было хуже, чем он представлял, поверхность слишком неровная, у колес нет резиновых прокладок для защиты. Эх, ресурсы Великой Сун действительно скудны, не знаю, есть ли вообще каучуковые деревья...

Не желая, чтобы Чжэнь Цюн слишком много думал, Хань Мяо перевел тему:

— Аньпин сказал, что ты в последнее время усердно практикуешь искусство даоинь и ешь меньше, есть ли какие-то заботы?

Э? О похудении точно не могу дать ему знать! Даос Чжэнь, который потеряет лицо, но не человека, тут же с праведным видом сказал:

— Изучение Пути алхимии требует крепкого тела, закалки воли, нельзя предаваться внешним вещам!

Раньше у тебя не было такой решимости. Глядя на вид клятвенного обещания Чжэнь Цюна, Хань Мяо не мог не рассмеяться, но все же посоветовал:

— Путь алхимии важен, но и нельзя слишком стараться. С таким большим талантом, как ты, нужно знать принцип постепенности.

У автора есть что сказать:

Даос Чжэнь: Очень любопытно, почему в династии Великая Чжао любят мужчин с телосложением, как у генерала И?

Тай-цзун Чжао: Спасибо за вопрос. Хе-хе, верхи подражают низам, во всяком случае, мой отец точно не был пассивным партнером.

<http://bllate.org/book/16827/1547301>